

Среди книг

с Александром Ливергантом

[279]

ИЛ 4/2018

ХАННА КРАЛЬ *Портрет с пулей в челюсти и другие истории* / Перевод Ксении Старосельской. — М.: АСТ, Corpus, 2017. — 381 с.

Проще всего сказать, не что есть в этом сборнике очерков известной современной польской писательницы Ханны Краль, а чего в нем нет.

Нет дидактики, нарочитости. Нет пространных, отвлеченных рассуждений. Число слов и эмоций в очерках и в оригинале, и в русской версии строго дозировано, сведено до минимума, проза Краль отжата, как выстиранное белье, при этом вес каждого слова велик, всего несколько слов — и перед читателем законченная, врезающаяся в память картина: “Лицо у местечек дряблкое, обвисшее, искаженное — то ли от усталости, то ли от страха” (“Портрет с пулей в челюсти”). То ли — скажем от себя, — оттого что здесь уже полвека никто не живет...

Нет авторского отношения Краль к героям своих репортажей (репортаж без репортера?), к их жизни, чаще — смерти. Краль, отмечает в послесловии к книге Рышард Капуцинский, “предпочитает держаться в стороне, соблюдать дистанцию”. И то сказать, в этой книге о войне, лагерях, немецких и советских, о послевоенной коммунистической Польше не встретишь таких приевшихся от частого

употребления словосочетаний, как “ужасы войны”, “исторический водоворот”, “палач и жертва”. В книге о Холокосте слова “Холокост”, “Катастрофа” отсутствуют.

Да и что еще в XXI веке можно написать о Холокосте после многих тысяч книг, статей, исторических исследований, фильмов, художественных и документальных, романах о катастрофе, которая постигла европейское еврейство, подвергшееся планомерному, тотальному истреблению? И в чем же тогда роль историй Ханны Краль, историй “важных и подлинных”? “Каждую встречу с читателями я так заканчиваю: ‘Расскажите историю. Подлинную... Важную... Чужую или про себя’”.

В том, чтобы по-новому взглянуть на происходившее в 40–50-е годы и нередко поставить под сомнение, даже опровергнуть расставленные историей и общественным мнением акценты: палач — жертва, патриот — предатель, мститель — коллаборационист, мужество — трусость. Именно так следует, по всей вероятности, понимать довольно, в сущности, странную, тем более для документалиста, репортера, реплику Краль: “Моя профессия — не

знать”. Не знать — то есть посмотреть на Катастрофу будто впервые, непредвзято, под другим углом, словно бы со стороны. Не оправдать, конечно же, трусость, предательство, жестокость и не призывать “милость к падшим”, а показать, сколь пагубно судить человека, оказавшегося в нечеловеческих условиях и ситуациях. Показать на примерах из жизни — не литературы.

Оговоримся. В литературе подобное смещение привычных акцентов — тоже ведь не редкость. Вспомним “Выбор Софи” Уильяма Стайрона. Или “Жизнь и судьбу”. Жена дворника, у которой сын женат на еврейке, говорит соседке: “Слава Богу, жидам конец”. Старый учитель, уважаемый пенсионер, которого трудно было подозревать в антисемитизме, при немцах перестает с евреями здороваться и на собрании в комендатуре радуется: “Воздух очистился, не пахнет чесноком”. Ничуть не лучше сами евреи: Шперлинг приторговывает краденым в надежде на лучшую жизнь, а юный красавец Эпштейн ходит с немцами на обыски и пьянствует с украинскими полицаями. В то же время угрюмый и черствый сотрудник местной типографии, от которого с приходом немцев трудно было ждать чего-то хорошего, при переселении старухи еврейки в гетто, дает ей триста рублей и помогает донести тяжелый чемодан.

Вот и в “важных и подлинных” историях Кралль, которыми с ней делились выжившие и пережившие, подспудно звучит ни разу “вслух” не высказанная мысль: “А как бы на месте этих

людей поступил *ты?*”, “Какой был бы *твой* выбор?”, “И как бы *ты* объяснил их поступки, которые, по большей части, противоречат представлению о том, что зовется ‘справедливостью’, ‘порядочностью’, ‘гуманностью?’”. А также — “страхом”, “покорностью”, спасительным “здравым смыслом”.

В самом деле, как объяснить, что женщина, уехав после войны из Польши в Германию, не взяла с собой четырехмесячную дочку с двусторонним воспалением легких (“Вторая мать”)? Как объяснить, почему бабушка Ноэми в последнюю минуту вышла из последнего московского поезда, увозившего евреев из Риги, чтобы забрать из дома серебряные подсвечники, чем обрела на смерть себя и своих шестерых детей (“Литература факта”)? Объяснение этому странному поступку, впрочем, имеется, мы находим его “далеко” от Польши, Кралль и Холокоста, в словах героя Рэя Брэдбери; Монтэг говорит о книгах, а не о подсвечниках, но разница невелика: “Есть, должно быть, что-то в этих книгах, чего мы даже себе не представляли, если эта женщина отказалась уйти из горящего дома”¹. Почему Хелюся (“Эта из Гамбурга”) не сумела ответить на простые вопросы своего двадцатилетнего сына? Почему бабушка Барбара не бросила дедушку, когда тот изменил ей со скрывающейся в их доме еврейкой? Почему бабушка Регина убежала в Германию из Польши без доче-

1. Рэй Брэдбери. 451 градус по Фаренгейту. Перевод Т. Шинкарь.

ри и потом, на протяжении десятилетий, отказывалась свою дочь признавать, но при этом регулярно посылала ей деньги? Почему таинственная незнакомка в Варшавском гетто по собственному почину (“на полумную вроде непохожа”) приняла решение пожертвовать собой ради молодой матери с дочерью, которых “по разнарядке” везли в лагерь смерти? “Вы ведь не хотите ехать на Умшлагплац, верно?.. Слезайте, я поеду вместо вас” (“Избавление”). Почему спустя полсотни лет Томас Блатт (“Портрет с пулей в челюсти”) каждый год приезжает из Америки в Польшу на поиски Мартина Б., убийцы евреев в местечке Пшилесье? Если не отомстить, то зачем? “Вы-то его зачем ищите? Смогли бы сейчас убить? Не смог бы, сказал Блатт. Спросить чего хотите? Нет. Так зачем ищите? Чтобы на него посмотреть... Посмотреть? И охота вам?” В книге “Портрет с пулей в челюсти”, как, впрочем, и во всякой хорошей книге, вопросов больше, чем ответов: “Вещи, которые никоим образом не удается объяснить, происходят в действительности. В конце концов, жизнь на Земле тоже подлинна, а логическому объяснению не поддается”.

А что в книге есть? Есть, как репортажу и положено, интерес к мелочам, подробностям, коллекционированию фактов, документов, к конкретной информации. Есть желание и умение автора описать человека, ситуацию через вещь; субъект — через объект. Многие истории так и называются: “Кресло”, “Горжетка”, “Дерево”. И называются не случайно. Кресло

“с высокой спинкой, удобной подножкой, обитое бархатом — темно-зеленым в полоску”, горжетка, “дивная чернобурка из серебристо-черной лисы”, стеганое одеяло из голубиного пуха, которое помогло перенести военные морозы в Коми АССР, старинные настенные часы, где на старом красивом циферблате цифры заменены древнееврейскими буквами, — эти, казалось бы, малозначимые детали вырастают в книге до символа. Символа всего того, чего больше нет.

Есть у Краль, и это, должно быть, самое главное, мотив парадоксальности, неоднозначности, даже загадочности происходящего: “Работа репортера научила меня, что логичные, без загадок и недомолвок истории, в которых все понятно, бывают неправдивыми”. И, соответственно, — парадоксальности и неоднозначности человеческой личности, в которой чего только не намешано. И каждого человека, даже недочеловека, настаивает Краль, можно, даже нужно понять. Понять врача, который отказал в деньгах Руте Мушкатблат (“Я не имею с евреями ничего общего!”), пытавшейся дать взятку шмальцовнику¹, чтобы выйти из гетто на арийскую сторону (“Тамлет”). Понять Мариана Ронги, который во время Варшавского восстания выдал гестапо двух сидящих в подвале евреев (“так и так те двое были обречены”), чтобы немцы по до-

1. Во время немецкой оккупации Польши шмальцовниками называли вымогателей денег и драгоценностей у скрывающихся евреев.

носу фольксдойчки не обыскали весь дом (“Танец на чужой свадьбе”). Понять прячущихся в бункере евреев, которые задушили больного старика — он мог выдать их своим кашлем (“Кресло”). Понять женщину, выдавшую евреев немцам, пообещавшим ей сохранить жизнь ее детям (“Поля”). Понять двух еврейских полицейских в Варшавском гетто, которые отказываются отпустить внучку цадика и ее семилетнюю дочку на том основании, что у них *норма*: каждый из них обязан доставить на площадь десять евреев, кого именно, им безразлично: “Дадите кого-нибудь взамен, мы этих освободим” (“Избавление”).

И если прав американский историк Кристофер Браунинг, писавший в книге “Обычные люди: 101 резервный батальон и ‘окончательное решение’ в Польше”, что убийцу ничего не стоит сделать из каждого, — можно даже попытаться понять немецких полицейских, что в перерывах между расстрелами сажались за стол и музицировали: “Стол с едой выставлялся в сад, один из полицейских играл на скрипке, а батальонный врач аккомпанировал на аккордеоне”. Назвать подонками этих “меломанов” Анна Краль не готова. Не обличает она даже артистов берлинской артистической бригады, которые приезжали в Польшу из Германии с

развлекательными программами и просили полицейских (не просили — упрасивали!) взять их “на акцию” пострелять евреев. Чего в этой книге точно нет, так это обличения: Краль не укоснительно придерживается правила — по comment¹. Пусть читатель сам разбирается — если до сих пор не разобрался.

Прочитав эти “важные и подлинные истории”, трудно согласиться с оптимистическим выводом Рышарда Капуцинского, который полагает, что Краль дает читателю надежду, “пытается развеять безнадежность и отчаяние”. Свою речь на вручении писательнице литературной премии имени Самуэля Богумила Линде, произнесенную 18 марта 2001 года в Гёттингене, Капуцинский так и назвал — “Вопреки отчаянию”.

А я бы сказал иначе. Если какая-то призрачная надежда еще теплится, то она — в принципиальном отказе Ханны Краль развеять безнадежность и отчаяние. А еще — в стремлении любой ценой сохранить память о прошедшем, что “сидит в ней”, как пуля в челюсти Томаса Блатта. Как дух шестилетнего, сгинувшего в гетто малыша, который по сей день, подобно дибук², берedit душу его старшего брата, благополучного преподавателя американского технического колледжа (“Дибук”). Сохранить — какой бы мучительной эта память ни была.

1. Без комментариев (*англ.*).

2. Дибук — злой дух в еврейском фольклоре, являющийся душой умершего злого человека.